

Пожелай мне удачи в бою!
Пожелай мне удачи!

Виктор Цой

Глава первая

Ошибка во времени

На улице было не холодно, а как-то промозгло — сколько свитеров на себя ни натягивай, все равно зябко.

Что говорить — Питер, он и есть Питер. А тем более в начале ноября. Хотя на каникулы могли бы подогнать погоду и потеплее.

— Ну, что, братва? — Серега Галкин вышел на крыльцо и тряхнул пачкой сигарет. — Согреемся?

— Ой, посмотрите, брательник какой нашелся! — скривил губы в презрительной усмешке Андрюха Васильев.

Девчонки довольно заулыбались.

— Зажигалка у кого-нибудь есть? — Галкин не заметил васильевской издевки.

— Ты у Маканиной спроси, — посоветовала Лиза Курбаленко, и девчонки снова захихикали.

Услышав свою фамилию, Олеся быстро глянула на ребят. Все с любопытством смотрели на нее — ждали, что скажет. Курбаленко демонстративно выпустила облачко табачного дыма.

Маканина кивнула и отвернулась.

Вот еще выдумали: будет она их развлекать, как же! Подумаешь, все курят, а она — нет. В конце концов, она не обязана быть как все.

— Правильно, Олесенька. — Курбаленко бросила окурок на землю. — Береги здоровье. Глядишь, когда-нибудь оно тебе понадобится. Если понадобится, конечно.

Послышались смешки.

— Ну а ты, Сидоров, что торчишь? — повернулась Лиза ко второму «некурильщику», Генке Сидорову. Она отогнула от его уха наушник и прислушалась. — Это что за попса? — скривилась Курбаленко.

— Сама ты попса, — отстранился Генка. — Это Цой.

— Ах, ну да! — устало ссутулилась Лиза. — Ты же у нас поклонник ретро.

— Цой вечен, — привычно отозвался Сидоров, пряча наушники в карман. Все в классе знали, что Генку «подсадил» на Цоя старший брат. А кто не знал, тому и не требовалось.

— Ну да, вечен, как египетские пирамиды! — не отставала от Сидорова Курбаленко. — И такой же пыльный.

Ребята с готовностью засмеялись. Шутить над Генкой было легко. Сидоров — странный, никогда не расстается с карманным компью-

Елена Усачева

тером, «наладонником», он — энциклопедист и вундеркинд, упрямо, из года в год, отказывается переходить в класс старше или сдавать экзамены экстерном. Теперь еще этот Цой... Впрочем, Генка на колкости одноклассников не реагировал. Он всегда был где-то не здесь...

— Что смеетесь? А-а? — На крыльцо выплыла необъемная Людмила Ивановна. — Ой, ой, накурили-то! А ты что, Галкин, улыбаешься? Хоть бы сигарету при мне спрятал.

— Ой, Людмила Ивановна, а мы вас не заметили, — нагло улыбнулся Серега. — Вы так тихо подошли.

Шутка тоже была старая, но ребята все равно держали на лицах натянутые улыбки. В устах неловкого Галкина любая фраза уже звучала смешно.

— Ну ничего, дома тебе отец уши прочистит, лучше станешь слышать, — недовольно покачала головой учительница и тут же забыла о Галкине, повернувшись в другую сторону. — Быковский, а ты почему там застрял? Решил в колонну превратиться?

— Да иду я, иду, — отозвался Павел Быковский, спрыгивая со ступеньки на одной ноге — непослушный шнурок отказывался завязываться. — Там все равно еще Смолова с Цветковой остались.

Не время для шуток

— Не класс, а тараканы, — вздохнула Людмила Ивановна. — Разбегаетесь кто куда.

— Не тараканы, а червяки, — аккуратно поправила Курбаленко.

— Пять баллов! — довольно зажмурился Васильев. Остальные захмыкали.

9 «Б» носил негласное прозвище Червяки. И все из-за того, что у их классного руководителя была фамилия Червяков.

Бывает. Встречаются фамилии и покруче.

Кличка была обидная, но учителей, как и все остальное в этой жизни, не выбирают, их спускает с неба безжалостное провидение.

Юрий Леонидович Червяков преподавал математику, и ничего, кроме математических формул, геометрических теорем и схем, его не интересовало. Поэтому никто не удивился, когда перед самой поездкой класса в Питер на осенние каникулы он заболел. Сдалась ему эта «колыбель революции!» В город на Неве неуправляемый 9-й «Б» повезла химичка Людмила Ивановна. В поезде она пожалела об этом, но деваться было уже некуда.

— А ты, Маканина, почему без шапки? Заболеть хочешь? — Людмила Ивановна предпочла пропустить шутку о червяках мимо ушей.

Олеся послушно потянула из кармана кепку.

— Ну, чего вы ждете? — позвала своих подопечных химичка, направляясь в сторону автобусной остановки. — Идем. Не стойте на ветру.

Послушались ее не сразу. Еще какое-то время народ переминался с ноги на ногу, словно боялся сойти с крыльца и выйти на пронизывающий питерский ветер.

— Ну ладно, уговорила. — Галкин растоптал окурок и первым сбежал по ступенькам. — Маканина, не стой! Замерзнешь! И шапку, шапку получше натяни. — Мимоходом он сдернул козырек Олесиной кепки на нос.

— Ну, ты! — вскинула руки Олеся, но Галкин уже убежал, и Маканиной оставалось только ловить воздух.

— Настроение какое-то паршивое, — зябко передернула плечами Лиза.

— Холодно, — согласилась Олеся, пристраиваясь рядом с Курбаленко, на ходу поправляя непокорные рыжие кудри, не желавшие прятаться под кепку.

— Надоело все, — тяжело вздохнула Лиза. — Дубняк, развлечений никаких. Какого черта мы поперлись в этот Питер?

— Так ведь классно — Эрмитаж, Невский, — робко улыбнулась Олеся.

— Какой, к черту, Невский? — Красивое Лизино лицо перекосила злая усмешка. — Мы бы сюда еще в минус двадцать приехали! Тоже, я тебе скажу, удовольствие.

Олеся засунула руки глубже в карманы и промолчала. По утрам Лиза обычно пребывала

Не время для шуток

в ворчливом настроении, в это время с ней лучше было не спорить.

— Автобус! — донеслось издалека, и ученики девятого «Б» класса обыкновенной московской школы сорвались с места. Рядом с Олесей тяжело бухал ногами Галкин, он был поразительно неуклюжим. Курбаленко отстала. Она всегда плохо бегала. Впереди несея Быковский. Он взлетел на подножку автобуса, заклинил дверь ногой и стал радостно махать рукой.

Все, можно было не спешить. Этот автобус от них не уйдет.

Быковского Олеся про себя называла человеком-удачей. Ему во всем везло — в жизни, в учебе, с родителями. И ничего удивительного, что до автобуса первым добежал именно он. Скорее, было бы странно, если бы это сделал кто-то другой.

— А вот мы летом были в Питере, — завела разговор Ксюша Рязанкина, как только все расселись на продавленных автобусных диванах. — Жили прямо на Невском. До любого музея — два шага, никакого тебе общественного транспорта.

— Ага, и стоило это немерено рэ, — то ли с завистью, то ли с грустью отозвался Галкин. На поездку он сам собирал деньги и до последнего

не знал, сможет ли оплатить хотя бы билет на поезд.

— Да, Ксюшенька, приходится тебе с нами, простыми смертными, мыкаться, — притворно посочувствовала ей Курбаленко. — Скучает без тебя твоя машина с водителем? Рыдает горючими слезами: «Где там моя Ксюшенька? Почему ко мне не едет?»

— Подумаешь, — скривила губки Рязанкина и спрятала нос в меховом воротнике куртки. — Надо иногда и с народом побывать.

— Нам оказали честь, — склонил голову Быковский.

— О! — Васильев поднял вверх палец. — До нас снизошли.

— Как много непривычных для тебя слов, — скорчила недовольную мордочку Ксюша.

— Помнится, поход народников в массы закончился плохо — их всех перебил тот же самый народ, — буркнул Генка Сидоров, и все удивленно на него посмотрели. Генка обычно молчит, а тут он вдруг разразился целой тирадой. Ай, ай, ай, быть дождю!

— Людмила Ивановна, а сегодня мы куда? — сменила тему разговора Ксюша.

— Я утром говорила! — устало отозвалась химичка. — Рязанкина, ты чем слушала?

— А у нее живот болел, она в туалете была, — выступил вперед главный шутник класса

Андрюха Васильев. — Для болезных почему бы второй раз не повторить?

— Ой, ладно тебе, ладно, — отмахнулась от Васильева Людмила Ивановна. — Я вижу, у вас здесь много глухих? Для них повторяю — мы сегодня идем в Русский музей и в Павловский дворец.

— Ну, вот так всегда, — горестно покачал головой Васильев, схватившись за щеку. — Для глухих повторили, а для тупых? Опять нас обделяют?

— Тебя обделишь, — раздраженно посмотрела на Андрюху Людмила Ивановна и отвернулась. Она давно уже перестала бороться с 9-м «Б», считая их потерянными для общества людьми.

— Господи, зачем мы сюда поехали? — закапнула Лиза. — Хоть бы одна интересная экскурсия!

— Тебе все дискотеки подавай! — Людмила Ивановна начинала злиться.

— Мне? — как ни в чем не бывало отозвалась Курбаленко. — Вон у нас Сидоров очень музыку любит. Давайте сходим в консерваторию. Она тут есть?

— Курбаленко, отвали! — бросил Генка, не отрываясь от «наладонника».

Елена Усачева

— А что? — тряхнула головой Лиза. — Цой — это хорошо!

— А ведь он, кажется, где-то здесь похоронен, в Питере? — нахмурила бровки Ксюша.

— В Питере, в Питере, — кивнул Васильев. — А тебе, Рязанкина, на кладбище захотелось? Так это я тебе и без Цоя устрою. В два приема.

— Дурак! — Ксюша снова спрятала лицо в воротник.

— А это неплохая идея! — крутанулся на пятках Андрюха, торжественно оглядывая потихоньку примерзших к сиденьям одноклассников. — Не стонять ли нам к Витеньке?

— К кому? — Галкин прервал свое занятие — изучение серых улиц города сквозь грязное автобусное стекло.

— Серега, не напрягайся, — погладила его по плечу Курбаленко. — Тебе вредно. Еще закипишь!

Вокруг захихикали.

— Ладно вам, — смутился Галкин. — Может, я с вами пойду...

— Куда это вы собрались? — словно вынырнула из небытия Людмила Ивановна. — Я же говорила: сначала идем в Русский музей.

— А это филиал Русского, — тут же встрял Васильев. — В музее картины, а на кладбище — те, кто их нарисовал.

Не время для шуток

— Все сказал? — махнула рукой Людмила Ивановна. Это был ее постоянный жест, когда ее что-то раздражало. — А теперь помолчи. Вы хоть знаете, где это кладбище находится? Может, оно где-нибудь за городом.

— Да ладно, за городом... — протянул Васильев. — Узнать легче легкого. Гена!

Бледный Генка Сидоров посмотрел на Андрюху сквозь толстые линзы очков.

— Гена, сделай общественно-полезное дело, — ласковым голосом заговорил Андрюха, при этом так низко нависая над тощим Сидоровым, что отказаться у того просто не было возможности. — Глянь в своей чудо-технике, где Цой похоронен?

Сидоров покорно вынул руку из кармана, откинул крышку «наладонника», черный карандашик ткнулся в оживший экран.

Олеся с тревогой смотрела на ловко прыгающий по экрану карандаш. Она терпеть не могла кладбища, боялась осуждающих взглядов покойников с надгробных плит, поэтому очень надеялась, что Сидоров ничего не найдет.

— На Богословском. Ехать сначала на метро, потом на автобусе.

— Ну что, народ, припадем к истокам рок-музыки? — торжественно оглядел собравшихся Васильев. — Нарушим, так сказать, программу!

Елена Усачева

— Давайте, давайте, — раздалось из мехового воротника. — А то я в этом Русском музее уже два раза была.

— Ну вот, тем более Рязанкина в музей не хочет! — кричал на весь автобус Андрюха. — Сидоров, ты с нами?

— С вами, — еле слышно отозвался Генка, что-то увлеченно выискивая в своем компьютере.

Остальные согласно закивали. Быковский негромко засвистел мелодию из песни «Группа крови».

— Ну, и что это за митинг? — Людмила Ивановна решила вклинуться в назревающий заговор. — Что вы забыли на кладбище? У нас уже экскурсия заказана. Быковский, перестань свистеть! Ты в автобусе находишься или где?

— Людмила Ивановна, Пашенька у нас всегда не здесь, а в высших сферах, — хихикнула Курбаленко, намекая на то, что Павел уже который год одновременно учился в музыкальной и художественной школах. Причем и там и там — с отличием.

— Вы мне тут пошутите! — устало шевельнула рукой химичка.

— Людмила Ивановна, что поделать, если большинство за то, чтобы перенести экскур-

сию на кладбище? — Васильев сделал невинное лицо.

— А я не хочу на кладбище, — негромко произнесла Олеся. — И Цой мне не нравится.

— Да что за Цой, вообще? — поддержал Маканину Галкин. — Что-то я его не помню.

— Правильно, Серега, — скривила пухлые губы Курбаленко, — тебе всех помнить необязательно. Ограничься таблицей умножения.

— Что за ботва? — Галкин не любил, когда над ним смеялись. — Сказать, что ли, сложно, что за Цой такой?

— А вы говорите, большинство, — решила воспользоваться ситуацией Людмила Ивановна. — Вот Маканина с Галкиным не хотят ехать.

— Галкин, ты что? — Васильев покрутил пальцем у виска. — Цой — известный певец, группу «Кино» создал. «Звезда по имени Солнце», «Восьмиклассница». Не слышал, что ли?

— Попса какая-то... — Серега и не заметил, что повторил слова Курбаленко.

— Сам ты попса! — вспыхнул Сидоров.

— Ага! — захохотал Быковский, единственный среди всех разбирающийся в музыке. — Попса и есть!

— Что, и ты не с нами? — ахнул Андрюха. Без Павла все их предприятие могло не состояться.

Быковский перевел взгляд с Олеси на Серегу, потом обратно и сокрушенно покачал головой.

— Я, конечно, кладбище выбираю, — громко произнес он. — А то с такой компанией, как эта, — он кивнул в сторону Маканиной, — вообще неизвестно, где окажешься. Там хоть клиенты спокойные, а здесь буйные.

Олеся посмотрела на Курбаленко. Лиза смеялась, довольная шуткой. Это особенно задевало. Все-таки подруга...

Галкин сжал кулаки и приподнялся с сиденья.

— Эй, эй! — Людмила Ивановна выкинула руку в его сторону. — Вы еще подеритесь! Вместо кладбища в милиции окажетесь. Что же я, разорвусь, если кто-то в одну сторону поедет, а остальные — в другую?

— А вы отдайте наши билеты в музей Галкину с Маканиной, — посоветовала Рязанкина. — Пусть культурно просвещаются на пару.

Это предложение особенно развеселило ребят. Каждый попытался представить себе, что Галкин будет делать в музее? На картинах мух ловить?

Олеся толкнула под локоть Курбаленко:

— Лиза, тебе-то зачем это кладбище сдавалось? Давно могил не видела?

Не время для шуток

— Это ты почему уперлась со своим «не хочу»? — фыркнула Лиза. — Все идут на кладбище, и ты иди. Или опять выпендриваться собираешься?

— Я кладбища терпеть не могу, — зашептала в ответ Олеся. — Да еще тащиться из-за какого-то Цоя через весь город по холоду!

— Ничего ты не понимаешь, Маканина. — Лицо Лизы опять стало злым. — Шла бы со всеми и молчала. Сдался тебе этот Галкин!

Олеся хотела ответить Курбаленко, что Галкин тут ни при чем. Если бы Лиза осталась, они неплохо провели бы время. Необязательно идти в музей, можно просто по городу побродить.

Но Олеся промолчала. Вряд ли Лиза согласится, она всегда была за коллектив.

— Быстрые какие, уже все решили! — Людмила Ивановна еще пыталась помешать нарушению программы. — Я пока не давала своего согласия. Не могу же я Маканину с Галкиным просто так оставить?

— «А если я утону, а если пойду я ко дну? Что станется с ними, с больными, с моими зверями лесными?» — писклявым голосом процитировал известный стишок Васильев. — Людмила Ивановна, они не дети! Найдут чем заняться. — И многозначительно подмигнул.

Народ радостно загикал.

Елена Усачева

— Айболит недобитый, — прошептала Олеся и покосилась на Галкина.

Высоченный Серега напряженно смотрел на Андрюху. Шутки он не понял.

— Маканина, может быть, ты все-таки пойдешь со всеми? — без всякой надежды спросила Людмила Ивановна. — Что ты упрямисься?

— Олечка! — Андрюха протянул вперед руку и закатил глаза. — Не покидай нас, не лишай надежды...

Маканина плотнее сжала губы и отвернулась. Сколько можно смеяться над одной и той же шуткой?

— С тобой, Галкин, и говорить нечего, — продолжала обрабатывать своих подопечных химичка. — Ты, конечно же, пойдешь в Русский музей?

— А что? — добродушно прогудел Серега. — Можно и в музей сходить. Что там дают?

В ответ раздался дружный хохот. Все наперебой стали рассказывать Галкину, что можно получить в музее, и, когда дошли уже до самых фантастических предложений, автобус остановился у станции метро.

— Решили, значит, да? — Людмила Ивановна отсчитала от общих денег несколько купюр и протянула Олеся. — Ну, смотри, Маканина, если что-то случится...

— Уа, уа, уа, — на ухо Олесе проорал Васильев, подражая крику младенца.

— Так! — шагнула вперед учительница. — Все уже в метро спустились! Ты что здесь делаешь?

Андрюха оттолкнул замешкавшуюся Курбаленко и нырнул в стеклянную дверь. Лиза покрутила пальцем у виска и тоже скрылась в метро.

Олеся до последнего надеялась, что подруга передумает и останется с ней. Но Курбаленко даже не оглянулась.

Все ушли. Глубоко под землей, под ногами, прошел поезд. Слева от Олеси вздохнули. Это был Галкин. Он не растворился, не испарился, не улетучился, как того желала Маканина. Серега стоял рядом, равнодушно разглядывая пробежавших мимо людей.

— Тебе необязательно за мной ходить, — буркнула Олеся, рассчитывая, что Серега найдет себе какое-нибудь более достойное занятие, чем посещение музея.

— Я чего, один останусь? — замотал головой Галкин. — Не, пошли вместе. Один я потеряюсь.

— А где тут теряться? Выйдешь на Невский — и по прямой, никуда не сворачивая.

Но Серега не сдавался, упорно идя следом за ней. Только сейчас Маканина поняла весь

ужас своего положения. Ладно бы — все ушли, а она осталась. Не найдет Олеся, чем ей заняться, что ли? В конце концов, Русский музей — не самое худшее место на земле, там скучно не бывает. Но что она будет делать вдвоем с Серегой? Картины смотреть? Галкин и картины — две вещи несовместимые!

Маканина покосилась на одноклассника. Серегу можно было назвать красивым — высокий, хорошо сложенный, с правильными чертами лица, нос с небольшой горбинкой, серые глаза, светлые волосы. При всех других обстоятельствах он был бы завидной компанией, но...

Но это был Галкин, и этим все сказано.

— Тогда пошли в музей, — жестко произнесла Олеся, направляясь к дверям.

— В музей? — разочарованно протянул Серегу.

Как будто у них были другие варианты!

Галкин продержался до последнего. Увидев большое крыльцо, фасад с колоннами, гипсовых львов у входа, он остановился.

— Слушай, — пробормотал Серегу. — Я, пожалуй, обратно пойду. Дорогу я запомнил. Если что, вернусь. Тебе же Людмила оставила деньги на обед? Ты мне отдай мою половину, ладно? Когда мы со всеми встречаемся?

— В два около метро. — Маканина постаралась вложить в голос как можно больше равно-

душия, чтобы случайно не вырвался крик радости — ее оставляют одну!

— Ну все, до двух!

Олеся до того обрадовалась, что сторяча отдала Сереге и свои деньги на обед, лишь бы избавиться от такой компании.

В музей она не вошла, а влетела. Не глядя, пробежала несколько залов.

Остановилась. Можно больше не спешить. Медленно прошла вдоль ряда картин, узнавая многие по репродукциям в журналах и учебниках. Попыталась задержаться около экскурсии, но на нее так посмотрели, что Олеся тут же отстала. Для этой группы она была чужой. Прислушалась к повествованию другого экскурсовода, но он уже заканчивал свое выступление и отправился в другой зал. Маканина машинально пошла следом, но ее толкнули, обгоняя, и она остановилась.

Рядом засмеялись. Парень с девушкой стояли около картины. Он ей что-то негромко говорил, показывая рукой на полотно, а она улыбалась.

Олеся решительным шагом двинулась вперед, ходьбой заглушая глупые мысли, лезшие в голову.

Новый зал оказался еще больше предыдущего. Высоченный потолок, ряды картин, те-

Елена Усачева

рывшиеся в перспективе. И — люди, люди, люди...

Маканина почувствовала, что она — одна. Совсем одна в этом людском водовороте. Она уже готова была доплатить, только бы рядом оказался кто-нибудь из своих, да пусть тот же Галкин. Ходить по залам в одиночестве оказалось тяжелым занятием. Она не столько на картины смотрела, сколько на посетителей. Все они с большим удовольствием разглядывали произведения искусства и понимающе качали головами. Они что-то в этом видели. Олеся же просто водила взглядом по стенам, ничего толком не понимая.

Тогда, чтобы хоть на чем-то сосредоточиться, она стала читать подписи к картинам. Суриков, Айвазовский, Кипренский, Шишкин. Родился, женился, умер.

Тоска.

Часовая стрелка ползла поразительно лениво.

Маканина никогда не замечала, как это тяжело — вдруг остаться одной. Права была Лиза, лучше бы Олеся поехала со всеми. Совершенно необязательно бродить по кладбищу. Постояла бы неподалеку от своих, послушала птичек.

Олеся принудила себя взглянуть на картину, перед которой стояла. «Мальчишки». Серов.

«Им хорошо, они вдвоем, хоть и скучают», — мысли мгновенно вернулись в прежнее русло. Будь рядом с ней Лиза, они бы не тосковали.

Так, все ясно, мир изобразительного искусства в нее сегодня не поместится. Самое время заняться чем-нибудь более полезным. Олеся выбралась из музея, с сочувствием посмотрела на промерзших гипсовых львов и отправилась искать кафе.

Но далеко не ушла. За первым же поворотом она столкнулась с Галкиным. Он сидел на приступочке и мял мощными руками жестяную банку.

— О! Маканина! — добродушно протянул он. — Ну что, напиталась прекрасным?

— Ты что здесь делаешь? — ахнула Олеся. Одно дело — мечтать, чтобы рядом кто-то оказался, и другое — столкнуться с Галкиным в реальности.

— Пиво пью, — флегматично отозвался Серега.

— На все деньги? — Маканина сегодня, похоже, специализировалась по глупым вопросам.

— Не, на половину я одну банку купил, — хохотнул Галкин. — А на другую половину — вторую.

Олеся растерянно оглянулась. Вставать Серега, судя по всему, не собирался. А бросать его одного в таком радужном состоянии Олеся боялась. Потеряется еще, где его потом искать? А спросят с нее, ушли-то они вместе.

— Может, пойдем куда-нибудь? — От одного взгляда на распахнутую куртку Галкина становилось зябко.

— А че идти-то? — басил Серега. Ему было до того хорошо, что он не следил за собой, поэтому не говорил нормально, а орал на всю улицу. — До двух еще далеко!

— Так нам и идти далеко, — попыталась обмануть одноклассника Олеся.

— Успеем, — отмахнулся Серега.

Маканина отошла в сторону. Она Галкину не нянька, чтобы над ним стоять! Не маленький, не пропадет. Да и проучить надо этого балбеса. Пусть в следующий раз думает, что творит.

Олеся решительно повернулась спиной к бестолковому однокласснику и уже сделала первый шаг, но тут в толпе прохожих заметила серую куртку и такую же шапку.

Милиция!

Не хватает еще, чтобы Галкина забрали в отделение. Вся поездка тогда насмарку пойдет!

Олеся взглянула на часы. Было чуть больше двенадцати.

Ну, почему, почему она не поехала вместе со всеми!

Замерзшие пальцы не слушались, и у нее никак не получалось подцепить головку механизма, регулирующего стрелки. Но вот, наконец, они сдвинулись с места. Сначала не в ту сторону, а потом в нужную. На полтора часа вперед.

— Галкин, пошли! — Она ткнула ему под нос часы, которые показывали теперь без пятнадцати два. — А то опоздаем!

— Ё-мое! — искренне удивился Серега, пытаясь сфокусироваться на бледно-розовом циферблате с еле заметными серебряными стрелочками. — Это уже столько времени?

— Столько, столько!

Олеся потянула Галкина за собой и быстро огляделась. Серой шапки пока заметно не было, но не исключено, что она вынырнет из толпы в любую минуту.

— Ну, что ты сидишь?

Маканина разозлилась. Серега был неподъемным. К тому же ее суета вокруг здорового парня начинала привлекать внимание прохожих.

— Шевелись! Нас ругать будут.

— Иду! — Галкин тяжело поднялся и с недоверием посмотрел на одноклассницу. — А ты

Елена Усачева

не врешь? — нахмурился он, шаря по карманам в поиске мобильного телефона, чтобы проверить время.

«Вот параноик, блин! — мысленно чертыхнулась Олеся. — Чтоб я еще хоть раз с ним связалась!»

Пришлось взять Серегу за руку, чтобы он не достал свой сотовый.

Дорога до метро показалась ей бесконечной. Галкин постоянно останавливался и пытался узнать у встречных точное время. А она тянула его вперед. Кто-то просто смеялся, кто-то зло качал головой, другие обходили парочку стороной.

А время, словно издеваясь над Олесей, не желало идти вперед. Минутная стрелка потерялась или прилипла где-то между «шестью» и «двенадцатью». Часовая безнадежно заснула, и Маканина провалилась в вязкое состояние безвременья.

Глава вторая

Сорванная экскурсия

— Ну что? Что это такое? — возмущалась Людмила Ивановна. Больше она ничего сказать не могла. Ситуация была патовая. Стоявший

перед ней Галкин еле держался на ногах — от долгого ожидания его сильно развезло.

А все потому, что ни в четырнадцать часов, ни в пятнадцать никто не пришел. Олеся пришлось битых три часа удерживать Галкина около станции метро. Они ходили кругами, иногда грелись в ближайшем кафе, а одноклассников все не было.

Когда в шестнадцать из дверей станции показались ребята, Маканина решила, что у нее начались галлюцинации. Сорвавшийся с места Галкин убедил ее, что перед ней не видения, все — на самом деле. И тут она почувствовала, как устала.

— Неплохо время провели, — хмыкнула Курбаленко, проходя мимо и кивая в сторону предельно веселого Сереги.

— Да у вас как все интересно! — Васильев двинулся к Маканиной с распростертыми объятьями. — Я уже начинаю жалеть, что не пошел с вами. Это на него так картины подействовали? — спросил он, с искренним изумлением глядя на Галкина, которого со всех сторон обступили хихикающие ребята.

Посещение кладбища им явно пошло на пользу: народ взбодрился и повеселел.

— А теперь рубанем по музеям! — довольно потер руки Андрюха. — Кстати, Маканина, ты

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая. ОШИБКА ВО ВРЕМЕНИ	5
Глава вторая. СОРВАННАЯ ЭКСКУРСИЯ	27
Глава третья. ЗАПИСКА С СЮРПРИЗОМ	46
Глава четвертая. МЕДНЫЙ ВСАДНИК И ДРУГИЕ	66
Глава пятая. ПРАЗДНИЧНЫЙ ТОРТ	86
Глава шестая. НЕ ВРЕМЯ ДЛЯ ШУТОК	113
Глава седьмая. КОМЕДИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ	141
Глава восьмая. ХИМИЧЕСКАЯ РЕАКЦИЯ	169
Глава девятая. БЕГ ПО КРУГУ	189
Глава десятая. ЛЮДИ В ПОИСКАХ ЛЮБВИ	203

